
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.34
DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(2).350-360

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СКЛОНЕНИЯ, ВЕРБОВКИ ИЛИ ИНОГО ВОВЛЕЧЕНИЯ В ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ЧАСТЬ 1 СТАТЬИ 205.1 УК РФ)

А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
17 ноября 2016 г.

Дата принятия в печать
28 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения
21 июня 2017 г.

Ключевые слова

Терроризм; содействие террористической деятельности; преступления террористической направленности; вербовка; склонение; вовлечение; подстрекательство

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках исследовательского проекта «Комментарий уголовного законодательства о противодействии террористической и экстремистской деятельности» № 16-13-24001

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию проблем толкования и применения положений о склонении, вербовке или ином вовлечении лица в совершение преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а также решению вопроса обоснованности их появления и дальнейшего существования в УК РФ. В работе содержится вывод о том, что признаком содействия террористической деятельности является вовлечение в нее, под которым понимаются умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить одно из преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а склонение и вербовка выступают описанием этого признака, не обладая самостоятельным содержанием вне вовлечения. Способы вовлечения могут быть любыми, кроме публичного обращения. Включение в диспозицию ч. 1 ст. 205.1 УК РФ каждого из терминов описания способствует лучшему уяснению содержания статьи: понятие «вербовка» обеспечивает терминологическое соответствие между ч. 1 ст. 205.1 УК РФ и ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., а «склонение» указывает на то, что вовлечение является подстрекательством. Деятельность подстрекателей к осуществлению преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, с введением данной статьи перешла в сферу регламентации Особенной части УК РФ. Произошла криминализация подстрекательства к подстрекательству к совершению преступлений террористического характера, организации подстрекательства и пособничества такому подстрекательству, в результате чего законодателем было выполнено требование, закрепленное в п. «а» ст. 9 Конвенции о предупреждении терроризма. Кроме того, подстрекатели к осуществлению террористической деятельности, в отличие от пособников, утратили возможность не быть подвергнутыми уголовной ответственности при соблюдении требований ст. 31 УК РФ. В статье содержится предложение по совершенствованию законодательства, устраняющее данный недостаток.

ISSUES OF CRIMINAL LAW REGULATION OF INDUCEMENT, RECRUITMENT OR OTHER INVOLVEMENT IN TERRORIST ACTIVITIES (PART 1 OF ARTICLE 205.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Aleksey N. Tarbagaev, Georgii L. Moskaev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, the Russian Federation

Article info

Received
2016 November 17

Accepted
2017 April 28

Available online
2017 June 21

Abstract. The paper researches the issues of interpretation and enforcement of clauses on inducement, recruitment or other involvement of a person in crimes under Part 1 of Art. 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the issue of the validity of their introduction and functioning in the CC of the RF. The authors come to the conclusion that the constituent element of facilitating terrorist activities is involvement, which is understood as deliberate actions aimed at exciting in another person a desire to commit one of the crimes under Part 1, Art. 205.1 of the CC of the RF, while inducement and recruitment act as the descriptions of this element and lack independent content outside involvement. Methods of involvement could be anything except a public appeal. Inclusion of each of these

© А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев, 2017

Keywords

Terrorism; facilitating terrorist activities; terrorist crimes; recruitment; inducement; involvement; abetting

Financing

This research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Krasnoyarsk Region Science and Technology Support Fund within the project «A Comment to Criminal Legislation on Counteracting Terrorist and Extremist Activities» № 16-13-24001/16

descriptive terms in the disposition of Part 1, Art. 205.1 of the CC of the RF contributes to better understanding of the Article's contents: the concept of «recruitment» ensures terminological agreement between Part 1, Art. 205.1 of the CC of the RF and Art. 6 of the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism of 2005, while «inducement» indicates that involvement is aiding and abetting. After the introduction of this Article the activities of aiders and abettors to crimes under Part 1, Art. 205.1 of the CC of the RF were transferred to the jurisdiction of the Special Part of the CC of the RF. The criminalization encompassed abetting the abetting of committing terrorist crimes, organization of abetting and aiding such abetting, and as a result the legislators fulfilled the requirement of Clause «a», Art. 9 of the Convention on the Prevention of Terrorism. Besides, abettors of terrorist activities, unlike aiders, have lost the opportunity to avoid criminal liability if the requirements of Art. 31 of the CC of the RF are observed. The paper contains a recommendation on improving legislation that would eliminate this drawback.

На протяжении длительного времени международное сообщество активно проводит политику борьбы с терроризмом — одной из главных угроз современности. В связи с транснациональным характером этого явления борьба с ним неизбежно стала самостоятельным направлением правового регулирования в актах международного права. Особо широкие масштабы и наибольшую угрозу для общества террористическая деятельность приобретает при включении в нее значительного числа людей, которые хотя и не осуществляют террористический акт непосредственно, но создают необходимые условия для его реализации. Отмеченная исследователями необходимость совместной борьбы с терроризмом была в полной мере воспринята на межгосударственном уровне [1]. Поэтому начиная с 60-х гг. XX в. и по настоящее время в международно-правовых актах антитеррористической направленности прослеживается более широкий подход к пониманию содержания термина «содействие терроризму» [2, с. 142].

Серьезную опасность терроризм представляет и для нашей страны. В период с 2010 по 2015 г. количество зарегистрированных преступлений террористического характера в России возросло практически в три раза (с 581 до 1 538) [3, с. 21]. При этом увеличилось не только их число в абсолютных значениях, но и доля в общем количестве зарегистрированных преступлений. Поэтому закономерно, что борьба с терроризмом выступает одним из основных направлений уголовно-правовой политики и в нашей стране. Угрозе терроризма посвящены положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, а также Стратегии про-

тиводействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года². В последней акцент сделан на источниках идеологии терроризма. В п. 19 данного документа обращено особое внимание на серьезную опасность склонения лиц к совершению террористических актов. Данные специальных исследований также свидетельствуют подчас о невозможности фактического осуществления террористической деятельности без предварительной вербовки исполнителей [4, с. 191].

Разделяя обеспокоенность международного сообщества деятельностью лиц, способствующих совершению преступлений террористического характера, Россия подписала Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.³, в ст. 6 которой предусмотрена обязанность государств-участников принять меры для признания вербовки террористов в качестве уголовного преступления в рамках своего внутреннего законодательства. Такое предписание появилось в международном акте не случайно, ведь, согласно результатам зарубежных исследований, именно вербовка как источник новых кадров должна стать мишенью совместной борьбы государств с организациями, осуществляющими террористическую деятельность [5; 6]. В 2006 г. Россия ратифицировала Конвенцию⁴ и ввела в Уголовный кодекс новую ста-

² Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. Президентом РФ 28 нояб. 2014 г. № Пр-2753 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма : заключена в Варшаве 16 мая 2005 г., CETS № 196 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2393.

⁴ О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма : федер. закон РФ от 20 апр. 2006 г. № 56-ФЗ // Там же. 2006. № 17, ч. 1. Ст. 1785.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

тью — ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», в ч. 1 которой предусмотрена уголовная ответственность, в частности, за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361 УК РФ. При этом название федерального закона⁵, которым в УК РФ были внесены указанные изменения, прямо связывает их с ратификацией Конвенции.

С момента своего появления ст. 205.1 УК РФ стала предметом активных дискуссий среди представителей юридической науки. За непродолжительный срок существования нормы в УК РФ в нее вносились многочисленные изменения (в 2009, 2010, 2014 и 2016 гг.⁶), которые усложнили ее понимание и в результате лишь усилили критику со стороны теоретиков права. На сегодняшний день, с одной стороны, сформировались доктринальные и правоприменительные позиции относительно содержания понятий «склонение», «вербовка» и «вовлечение», используемых в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. С другой — эти позиции зачастую не соответствуют, а иногда и прямо противоречат друг другу. Цель данной статьи — продолжить исследование признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, в части склонения, вербовки или иного вовлечения лица в совершение хотя бы одно-

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 7 февр. 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ч. 1. Ст. 3452.

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы: федер. закон РФ от 27 дек. 2009 г. № 377-ФЗ (ред. от 7 дек. 2011 г.) // Там же. 2009. № 52, ч. 1. Ст. 6453; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон РФ от 9 дек. 2010 г. № 352-ФЗ // Там же. 2010. № 50. Ст. 6610; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) // Там же. 2014. № 19. Ст. 2335; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон РФ от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ // Там же. 2016. № 28. Ст. 4559.

го из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361 УК РФ, и предложить решение проблем толкования и применения этой нормы, накопившихся в науке уголовного права.

С введением ст. 205.1 в УК РФ основное направление критики законодателя связано с тем, что новая норма, по мнению исследователей, нарушила систему взаимодействия положений Общей и Особенной частей уголовного закона. Утвердилась позиция, согласно которой в ст. 205.1 УК РФ предусмотрена ответственность традиционно понимаемого подстрекателя, регламентируемая в ч. 4 ст. 33 УК РФ, но уже в качестве исполнителя содействия террористической деятельности по ст. 205.1 УК РФ, что в результате привело к деструктуризации УК. На этом основании в научной литературе широкое распространение получили предложения полностью вывести ст. 205.1 из УК РФ [7, с. 23; 8, с. 36] или исключить из нее признаки, дублирующие положения ст. 33 УК [9, с. 52; 10, с. 49; 11, с. 11]. Однако, чтобы обоснованно прийти к такому выводу, необходимо раскрыть содержание признаков ст. 205.1 УК РФ (в рамках настоящей статьи — склонения, вербовки и вовлечения) и соотнести его с подстрекательством, предусмотренным ч. 4 ст. 33 УК РФ.

За время существования ст. 205.1 в УК РФ наукой уголовного права были разработаны разнообразные определения указанных в ее диспозиции понятий склонения, вербовки и вовлечения.

А.В. Бриллиантов и Е.Н. Федик определяют склонение как побуждение к совершению каких-либо действий, направленных на формирование у другого лица намерения совершить определенное деяние, ненасильственными способами [12]. Ю.В. Грачева понимает склонение как убеждение другого лица в необходимости совершить какой-нибудь поступок [13]. А.В. Рагулина утверждает, что склонение заключается в убеждении другого лица различными способами, в том числе с применением психического насилия, в необходимости совершения одного или нескольких преступлений [14]. С.В. Дьяков говорит о склонении как о деятельности по формированию у другого лица умысла на совершение преступлений, не ограничивая перечень способов воздействия на склоняемого [15]. О любых способах осуществления действий, направленных на возбуждение у склоняемого лица побуждения участвовать в совершении

преступлений, в контексте определения склонения пишет и В.П. Степалин [16].

Нетрудно увидеть, что авторы сходятся в понимании склонения как деятельности, направленной на возникновение у другого лица умысла на совершение преступления. Различия в позициях относятся лишь к перечню способов такого воздействия. По этому вопросу считаем необходимым согласиться с мнением последних двух приведенных авторов. Понятие склонения используется законодателем для определения подстрекательства в ч. 4 ст. 33 без ограничения способов его осуществления. Диспозиция ч. 1 ст. 205.1 УК РФ также не дает каких-либо оснований для лимитирования способов воздействия на лицо при его склонении к осуществлению террористической деятельности.

Понятие вербовки не является новым для УК РФ. Его теоретический анализ осуществлялся, в частности, в контексте наемничества (ст. 359 УК РФ). Применительно к ч. 1 ст. 205.1 УК РФ вербовку определяют как деятельность, направленную на наем какого-либо лица, достижение сделки или соглашения с ним [13–15], что одновременно означает отсутствие насильственных способов воздействия на вербуемого [13; 14]. Отмечается, что вербовка носит, как правило, длительный, поэтапный и систематический характер [15; 16]. Зарубежные исследователи в результате анализа процесса привлечения новых кадров наиболее крупными террористическими организациями пришли к выводу, что наивысшую результативность демонстрирует длительная и даже цикличная вербовка [17]. Таким образом, вербовка — это ненасильственная деятельность, направленная на получение согласия лица совершить одно из преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Из этого следует, что вербовка представляет собой разновидность склонения, ограниченную перечнем способов воздействия на склоняемое лицо.

Последнее из рассматриваемых понятий — понятие «вовлечение». В комментариях к УК РФ оно раскрывается относительно единообразно и определяется как действия, направленные на возбуждение у вовлекаемого желания совершить преступления, указанные в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ [13; 14; 18]. Среди способов вовлечения авторы называют уговор, убеждение, обещание материального вознаграждения [19], обман, подкуп, шантаж [13; 18], применение насилия в отношении вовлекаемого или его близких, а равно угрозы применить такое наси-

лие, использование материальной или иной зависимости потерпевшего [12]. Данный перечень исследователи не ограничивают и оставляют открытым. Анализ судебной практики показал, что в подавляющем большинстве случаев вовлечение происходит путем воздействия на религиозные чувства вовлекаемого⁷. Для осуществления воздействия, апеллирующего к конфессиональной принадлежности лица, виновными использовались непосредственные вербальные обращения⁸, а также убеждение через средства мобильной связи и информационно-телекоммуникационные сети⁹. В целом это соответствует общемировой тенденции развития способов вовлечения в террористическую деятельность. В большинстве зарубежных исследований указывается на идеологическое, в основном религиозное, воздействие [20; 21] на лицо при его вербовке, а главным средством вовлечения авторы называют Интернет [22].

Отличной от мнения других исследователей точки зрения относительно содержания вовлечения придерживается В.П. Степалин. В качестве вовлечения он предлагает рассматривать, например, «воспитание молодого поколения с привитием на будущее время навыков, определяющих содействие террористической деятельности, подражание взрослым террористам, взятие с них примера, идеологическую обработку родственников, родных в таких же целях и т.д.» [16]. Считаем необходимым критически отнестись к такому суждению автора. Диспозиция ч. 1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение в совершение конкретных преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361, а не в террористическую деятель-

⁷ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 28 октября 2009 г. по делу № 2-13/2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/oROE4VaUOVNC>; Приговор Черногорского городского суда Республики Хакасия от 14 мая 2014 г. по делу № 1-248/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/2tLvc18w88N8>.

⁸ Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 14 мая 2014 г. по делу № 2-10/2013;2-74/2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/My1M71TfJ7dw>.

⁹ Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 9 октября 2013 г. по делу № 1-830/2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/8o9j8m6zJl5r/?regular>.

ность вообще¹⁰. При наличии у виновного цели в виде последующего совершения другим лицом указанных деяний идеологическая обработка может выступать приготовлением к вовлечению. Как таковые заявления о признании идеологии терроризма правильной, нуждающейся в поддержке и подражании обозначаются законодателем в примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ как «оправдание терроризма». Ответственность за такое деяние наступает лишь в случае его публичного совершения. Обучение же лица навыкам террористической деятельности в целях последующего совершения им преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, является подготовкой, ответственность за которую предусмотрена в этой же норме, однако выступающей альтернативным вовлечению признаком состава.

Анализ рассматриваемых понятий показал, что «склонение» и «вовлечение» представляют собой синонимы, обозначающие действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить одно из преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. В судебных решениях понятия «склонение» и «вовлечение» также зачастую используются как синонимы¹¹. Данные термины имеют практически тождественное содержание. Понятие «вербовка», в свою очередь, не имеет самостоятельного значения, поскольку полностью охватывается содержанием склонения и вовлечения, обозначая их разновидность. Таким образом, склонение, вербовка и вовлечение — это не три [16] и не два [13] альтернативных признака объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 205.1 УК РФ, как утверждают отдельные авторы, а один. В ситуациях, когда законодатель перечисляет несколько понятий, одни из которых полностью поглощаются другим, в науке принято говорить о наличии описания признака [23, с. 100]. Признаком в рассматриваемом случае предлагается признать именно вовлечение. Ситуация, когда описание полностью раскрывает признак, не является типичной. Однако очевидно, что законодатель объединяет склонение и вербовку категорией «вовлечение», говоря о «склонении, вербовке и ином», т.е. любом другом, кроме предыдущих, вовлечении. К аналогичному выводу приходят и другие авторы в результате анализа диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ [24, с. 22].

Пленум Верховного Суда РФ также не делает различий между склонением, вербовкой и вовлечением, давая единое толкование всем трем терминам в своем постановлении¹². Отметим, что данная интерпретация не слишком способствует уяснению содержания склонения, вербовки и вовлечения, поскольку для их дефиниции используется один из определяемых терминов. По большей части толкование заключается в перечислении наиболее вероятных способов осуществления вовлечения. С другой стороны, можно увидеть, что в качестве признака Пленум рассматривает именно вовлечение, ведь определение конструкции «склонение, вербовка и вовлечение» осуществляется им именно через последнюю категорию.

Положительно следует оценить указание в постановлении на умышленный характер вовлечения. Оно признается оконченным с момента его осуществления вне зависимости от последующих действий вовлекаемого¹³, а диспозиция ч. 1 ст. 205.1 УК РФ не указывает на такой признак объективной стороны деяния, как наступление общественно опасных последствий. При этом в науке уголовного права сложилось представление о невозможности совершения с косвенным умыслом преступлений, имеющих формальный состав [25, с. 768]. Наличие у виновного цели вовлечь другое лицо в осуществление террористической деятельности предопределяет желание достичь такой цели, что, в свою очередь,

¹⁰ При описании признаков ч. 1 ст. 205.1 УК РФ указанная совокупность преступлений для краткости зачастую обозначается понятием «террористическая деятельность», как это сделано в названии статьи УК РФ. Подобным образом термин употребляется и на страницах данной работы. При этом всегда учитывается, что речь идет о конкретных составах преступлений. Само содержание понятия «террористическая деятельность» в науке является дискуссионным и требует освещения в отдельном исследовании.

¹¹ Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 14 мая 2014 г. по делу № 2-10/2013;2-74/2012 ; Приговор Верховного Суда Республики Татарстан от 28 октября 2009 г. по делу № 2-13/2009 ; Приговор Советского районного суда города Астрахань от 22 сентября 2014 г. по делу № 1-231/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/QkbUDHGm94Jb/?regular> ; Приговор Верховного Суда Республики Дагестан от 10 ноября 2011 г. по делу № 2-39/2011 [Электронный ресурс]. <http://sudact.ru/regular/doc/QIhnavuVf6H1/?regular>.

¹² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 9 февр. 2012 г. № 1 (ред. от 3 нояб. 2016 г. № 41) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

¹³ Там же.

является отличительной характеристикой волевого момента прямого умысла (применительно к формальному составу преступления).

Таким образом, признаком содействия террористической деятельности выступает вовлечение, под которым понимаются умышленные действия, направленные на возбуждение у другого лица желания совершить одно из преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а склонение и вербовка выступают описанием этого признака. С нашей точки зрения, включение в диспозицию рассматриваемой статьи каждого из терминов описания способствует лучшему уяснению содержания статьи.

Так, понятие «вербовка», использованное законодателем в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, связано с положениями ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г., закрепившей обязанность государств предусмотреть ответственность за вербовку террористов в своем внутреннем законодательстве. Включив термин «вербовка» в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, законодатель добился терминологического соответствия отечественной и международной нормы. Однако традиционное понятие вербовки, сложившееся в уголовном праве России, существенно уже конвенционного по содержанию. Международный договор определяет вербовку террористов как привлечение другого лица к совершению или участию в совершении террористических преступлений или к присоединению к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой одного или нескольких террористических преступлений. Можно сказать, что, добавив к понятию «вовлечение» описание «вербовка», законодателю удалось добиться соответствия между ч. 1 ст. 205.1 УК РФ и ст. 6 Конвенции о предупреждении терроризма не только по форме используемых терминов, но и по объему запрещенных деяний.

Отдельные авторы утверждают, что в понятии «вовлечение» отражены положения не только ст. 6 Конвенции о предупреждении терроризма, но и ст. 5, предусматривающей запрет публичного подстрекательства к совершению террористического преступления [26, с. 1066]. Однако это не так. В предыдущем исследовании мы пришли к выводу, что реализация требований ст. 5 международной конвенции произошла путем введения в УК РФ ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или пу-

бличное оправдание терроризма» [27, с. 34]. Ключевым отличием призывов к террористической деятельности является их публичный характер, что означает обращение к неопределенному кругу лиц, а не к конкретным субъектам [там же, с. 33]. В тех случаях, когда обращение, направленное на возбуждение у другого лица желания осуществить террористическую деятельность, адресовано конкретному, персонально определенному человеку, содеянное, при наличии остальных признаков, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ по признаку вовлечения [там же, с. 34]. При этом на практике встречаются судебные решения, не поддерживающие изложенное правило. Так, по одному из дел было установлено, что виновный «распространял среди неопределенного круга лиц, посредством размещения на специализированном интернет-сайте, видеозапись, на которой участник незаконного вооруженного формирования склонял своих слушателей к участию в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом»¹⁴. Суд квалифицировал содеянное по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, несмотря на то что Пленум Верховного Суда РФ частным случаем публичности назвал и размещение материалов в открытом доступе на сайтах в информационно-телекоммуникационной сети Интернет¹⁵. Согласно предлагаемому нами правилу квалификации, основанному на анализе толкования норм УК в разъяснениях Пленума, в приведенном примере правовая оценка содеянного должна осуществляться по ст. 205.2 УК РФ по признаку «публичные призывы».

Как и «вербовка», термин «склонение» выполняет свою роль в качестве описания признака «вовлечение». Через понятие «склонение» законодатель дает определение подстрекательства в ч. 4 ст. 33 УК РФ. С учетом отмеченной выше синонимичности категорий «склонение» и «вовлечение» это обстоятельство указывает на то, что вовлечение является подстрекательством. Как и подстрекательство [28], вовлечение может состоять лишь в активном поведении виновного (действиях). На страницах работы мы также подчеркивали, что вовлечение возможно только при склонении конкретного лица, а не неопределенного круга людей. Кроме того,

¹⁴ Приговор Сунженского районного суда Республики Ингушетия [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/foDQXpWF29bl/?regular>.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

вовлечение касается совершения конкретных преступлений, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, а не террористической деятельности вообще, несмотря на название указанной статьи. Аналогичные свойства исследователи называют и для подстрекательства [29, с. 218]. Подстрекатель действует с прямым умыслом [30], что, как мы указывали выше, характерно и для вовлечения. Таким образом, признак «вовлечение» обозначает подстрекательство к совершению преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277–279, 360 и 361 УК РФ, поскольку содержит все признаки деятельности этого вида соучастника преступления. С данным выводом соглашаются и некоторые другие авторы [31, с. 42; 32, с. 39; 33].

Описанная ситуация поставила вопрос о правильной квалификации вовлечения в совершение одного из преступлений, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Как мы видим, такие деяния одновременно охватываются нормой о соответствующем преступлении террористического характера со ссылкой на ч. 4 ст. 33 УК РФ, а в равной степени содержат все признаки ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. По указанной проблеме в науке встречается множество решений, которые в обобщенном виде можно разделить на две группы. Одни авторы утверждают о необходимости рассматривать содеянное в данном случае как идеальную совокупность [4]. Другие отрицают подобное решение, заявляя о том, что при квалификации по совокупности лицо будет осуждено дважды за одно преступление, что идет вразрез с принципом справедливости, закрепленным в ч. 2 ст. 6 УК РФ [33; 34, с. 108; 35]. Пленум Верховного Суда, судя по всему, разделяет вторую точку зрения. В постановлении, посвященном вопросам судебной практики о преступлениях террористической направленности, изложенная ситуация применительно к вовлечению не рассматривается. Однако для другого вида соучастника — организатора, ответственность для которого специально предусмотрена ч. 4 ст. 205.1 УК РФ, Пленум разъяснил, что дополнительная квалификация по статье, предусматривающей ответственность за конкретное организованное преступление, не требуется. Квалификация происходит по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ¹⁶. Полагаем, аналогично вопрос должен решаться и для вовлечения лица в осуществление

террористической деятельности по ч. 1 данной статьи.

Указав в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных диспозицией данной нормы, законодатель перенес запрет на деятельность подстрекателей к осуществлению этих деяний из Общей части УК РФ в Особенную. Поэтому невозможно согласиться с тем, что подобный шаг законодателя привел к криминализации названных действий, как утверждают некоторые авторы [3, с. 21; 4, с. 191]. Границы уголовно-правового запрета в рассматриваемой части не изменились, а лица, вовлекающие других в террористическую деятельность, подлежали уголовной ответственности как до, так и после включения этих действий ст. 205.1 в УК РФ.

Введение ст. 205.1 в УК РФ, как мы отмечали ранее, непосредственно связано с ратификацией Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. С выполнением международных обязательств связывает это изменение уголовного закона и Пленум Верховного Суда РФ в преамбуле постановления от 9 февраля 2012 г. № 1. Однако необходимость приведения УК РФ в соответствие со ст. 6 Конвенции, предусматривающей обязанность государств признать вербовку террористов в качестве уголовного преступления в рамках своего внутреннего законодательства, как мы подчеркивали, отсутствовала. Будучи разновидностью подстрекательства, вербовка уже охватывалась положениями Общей части УК РФ. Какую же цель тогда преследовал законодатель, внося изменения в уголовный закон?

На наш взгляд, решение включить ст. 205.1 в УК РФ было обусловлено необходимостью криминализировать не вербовку как таковую, а связанные с ней деяния. Согласно п. «а» ст. 9 Конвенции, каждая сторона — участница договора должна признать в качестве уголовно противоправного деяния внутри своего национального законодательства соучастие в преступлениях, предусмотренных этим международным актом, в том числе и соучастие в вербовке. Для отечественного УК это означало необходимость предусмотреть уголовную ответственность за подстрекательство к подстрекательству к совершению преступлений террористического характера, организацию подстрекательства и пособничество такому подстрекательству. Из множества возможных

¹⁶ Пункт 17.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1.

решений проблемы, каждое из которых неизбежно привело бы к нарушению системы УК, законодатель принял, с нашей точки зрения, наиболее оптимальное. Следовательно, отмеченное выше и получившее широкую поддержку в науке предложение исключить из ч. 1 ст. 205.1 УК РФ признаки, дублирующие положения ст. 33 УК РФ, идет вразрез с обязательствами, взятыми нашей страной при подписании и ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.

При этом вместе с переводом склонения, вербовки и иного вовлечения в разряд исполнительства в ст. 205.1 УК РФ, в Особенную часть не были включены иные положения, обеспечивающие максимальное соответствие этой, в сущности, подстрекательской деятельности правилам Общей части УК. Так, в ч. 4 ст. 31 УК РФ предусмотрено специальное требование для добровольного отказа подстрекателя — предотвращение доведения преступления исполнителем до конца путем своевременного сообщения органам власти или иными мерами. Поскольку лица, осуществляющие вовлечение в террористическую деятельность, по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ формально являются исполнителями, указанное правило о добровольном отказе к ним неприменимо.

Интересно, что для лиц, содействовавших террористической деятельности или ее финансировавших, в ст. 205.1 УК РФ предусмотрено примечание, содержащее правило освобождения их от уголовной ответственности. В связи с тем что ст. 205.1 УК РФ носит название «Содействие террористической деятельности», существует мнение, что данное примечание распространяется на все деяния, предусмотренные нормой [12]. Однако это не так. Через термин «содействие» в ч. 5 ст. 33 раскрывается понятие «пособничество», тогда как склонение, вербовка и вовлечение являются подстрекательством. Кроме того, примечание в одном ряду с содействием террористической деятельности называет ее финансирование. Тем самым, по сути, признается, что в статье «Содействие террористической деятельности» закреплены и иные деяния, не являющиеся содействием. Это еще один аргумент в пользу высказанной в литературе позиции, согласно которой название ст. 205.1 УК РФ уже ее содержания [9, с. 53; 26, с. 1065]. Наконец, правило освобождения от уголовной ответственности, указанное в примечании 2 к ст. 205.1 УК РФ, дублирует норму Общей части

о добровольном отказе пособников, а не подстрекателей (для последних требуется предотвратить преступление, а не просто принять все меры для его предотвращения). Перенос деятельности пособников из сферы регламентации Общей части УК РФ в Особенную с сохранением для них возможности не быть подвергнутыми уголовной ответственности при соблюдении требований ст. 31 УК РФ одновременно с аналогичным изменением регламентации действий подстрекателя, но без дублирования в Особенной части положений ст. 31 УК РФ демонстрирует непоследовательность законодателя и пробел в УК РФ.

Исходя из изложенного, предлагаем дополнить ст. 205.1 УК РФ новым примечанием следующего содержания: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом предотвратило преступление, для реализации которого осуществляло склонение, вербовку или иное вовлечение других лиц, и если в его действиях не содержится иного состава преступления». Разумеется, ни существующее в ст. 205.1 УК РФ примечание 2, ни предлагаемое нами юридически добровольным отказом не являются, хотя и дублируют положения ст. 31 УК РФ, относящиеся к этому институту. Добровольный отказ возможен лишь на стадии неоконченного преступления [36, с. 210]. Мы же отмечали, что склонение, вербовка или иное вовлечение признаются оконченными с момента совершения этих деяний вне зависимости от того, совершил вовлекаемый одно из преступлений, указанных в диспозиции ст. 205.1 УК РФ, или нет. Регламентируя позитивное постпреступное поведение, примечания содержательно относятся к специальным случаям освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Однако, предусмотрев предлагаемое примечание в ст. 205.1 УК РФ, законодатель пошел бы на своеобразный компромисс: с одной стороны, привел УК в соответствие с требованиями ратифицированного международного правового акта, а с другой — попытался сохранить правовое положение лиц, которые хотя и являются исполнителями по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, но осуществляют деятельность, полностью подпадающую под признаки подстрекательства по ч. 4 ст. 33 УК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bossong R. EU cooperation on terrorism prevention and violent radicalization: frustrated ambitions or new forms of EU security governance? / R. Bossong // *Cambridge Review of International Affairs*. — 2014. — № 27 (1). — P. 66–82.
2. Серебряков А.В. Становление категории «содействие террористической деятельности» в нормах международного уголовного законодательства / А.В. Серебряков // *Общество и право*. — 2010. — № 3. — С. 140–143.
3. Антонова Е.Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации / Е.Ю. Антонова // *Российский следователь*. — 2016. — № 13. — С. 21–25.
4. Серебряков А.В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности / А.В. Серебряков // *Общество и право*. — 2010. — № 4. — С. 191–194.
5. Camacho E.T. The development and interaction of terrorist and fanatic groups / E.T. Camacho // *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*. — 2013. — № 18 (11). — P. 3086–3097.
6. Hofmann D.C. Quantifying and qualifying charisma: a theoretical framework for measuring the presence of charismatic authority in terrorist groups / D.C. Hofmann // *Studies in Conflict and Terrorism*. — 2015. — № 38 (9). — P. 710–733.
7. Аминов Д.И. Современные проблемы борьбы с финансированием терроризма в России / Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России*. — 2007. — № 1. — С. 20–23.
8. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Арутюнов. — М., 2006. — 49 с.
9. Ершов С.А. Пособничество — в Особенной части УК / С.А. Ершов // *Законность*. — 2012. — № 11. — С. 52–55.
10. Мурадян С.В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма / С.В. Мурадян // *Административное и муниципальное право*. — 2011. — № 6. — С. 44–51.
11. Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.В. Серебряков. — Краснодар, 2012. — 28 с.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2015. — Т. 2. — 704 с.
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. — М. : Контракт, 2013. — 672 с.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. — 4-е изд. — М. : Проспект, 2012. — 544 с.
15. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юриспруденция, 2013. — 912 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова [и др.]. — 13-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2013. — 1069 с.
17. Bloom M. Constructing expertise: terrorist recruitment and «Talent Spotting» in the PIRA, Al Qaeda, and ISIS / M. Bloom // *Studies in Conflict and Terrorism*. — 2016. — № 1. — P. 1–21.
18. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / под ред. А.В. Галаховой. — М. : Норма, 2014. — 736 с.
19. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. — М. : Статут, 2012. — 943 с.
20. Klein G.R. Ideology isn't everything: Transnational terrorism, recruitment incentives, and attack casualties / G.R. Klein // *Terrorism and Political Violence*. — 2016. — № 28 (5). — P. 868–887.
21. Scorgie-Porter L. Militant Islamists or borderland dissidents? An exploration into the Allied Democratic Forces' recruitment practices and constitution / L. Scorgie-Porter // *Journal of Modern African Studies*. — 2015. — № 53 (1). — P. 1–25.
22. Automatic summarization and keywords extraction methods for discovering extremist information on the internet / I. Mashechkin, M. Petrovskiy, I. Pospelova, D. Tsarev // *CEUR Workshop Proceedings*. — 2016. — № 1763. — P. 188–198.
23. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. — М. : Юрист, 2004. — 304 с.
24. Кудрявцев В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности / В.Л. Кудрявцев // *Адвокат*. — 2012. — № 5. — С. 21–25.
25. Энциклопедия уголовного права / под ред. В.Б. Малинина. — СПб. : Изд-во проф. Малинина, 2005. — Т. 4 : Состав преступления. — 797 с.
26. Кочои С.М. Европейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ / С.М. Кочои // *Lex Russica*. — 2014. — № 9. — С. 1061–1069.
27. Тарбагаев А.Н. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205.2 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право*. — 2016. — № 2. — С. 28–39.
28. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. — М. : Статут, 2013. — 408 с.
29. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. — М. : ЮриИнфоР, 2001. — 316 с.
30. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная) : науч.-практ. пособие / Н.К. Семернева. — М. : Проспект, 2010. — 296 с.
31. Агапов П.В. Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование / П.В. Агапов // *Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации*. — 2012. — № 4. — С. 41–45.
32. Качалов В.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности в контексте современной уголовной политики Российской Федерации / В.В. Качалов, Е.А. Маслакова // *Наука и практика*. — 2015. — № 1. — С. 38–40.
33. Молчанов Д. Содействие террористической деятельности / Д. Молчанов // *Уголовное право*. — 2011. — № 4. — С. 35–41.

34. Докуев А.А. Соотношение уголовно-правовой нормы об ответственности за содействие террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ) и норм о соучастии в преступлениях террористического характера / А.А. Докуев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2015. — № 4. — С. 102–113.

35. Ульянова В.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма / В.В. Ульянова // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 3. — С. 442–447.

36. Уголовное право. Общая часть : учебник / А.Ф. Мицкевич [и др.] ; под. ред. А.Н. Тарбагаева. — М. : Проспект, 2012. — 448 с.

REFERENCES

1. Bossong R. EU cooperation on terrorism prevention and violent radicalization: frustrated ambitions or new forms of EU security governance? *Cambridge Review of International Affairs*, 2014, no. 27 (1), pp. 66–82.
2. Serebryakov A.V. Establishment of the category «facilitation to terrorist activities» in international criminal legislation. *Obshchestvo i pravo = Society and law*, 2010, no. 3, pp. 140–143. (In Russian).
3. Antonova E.Yu. Crimes of terroristic character and extremist orientation: issues of criminalization and penalization. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2016, no. 13, pp. 21–25. (In Russian).
4. Serebryakov A.V. To the issue of qualifying facilitation to terrorist activities. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2010, no. 4, pp. 191–194. (In Russian).
5. Camacho E.T. The development and interaction of terrorist and fanatic groups. *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*, 2013, no. 18 (11), pp. 3086–3097.
6. Hofmann D.C. Quantifying and qualifying charisma: a theoretical framework for measuring the presence of charismatic authority in terrorist groups. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2015, no. 38 (9), pp. 710–733.
7. Aminov D.I., Oganyan R.E. Contemporary issues of counteracting the financing of terrorism in Russia. *Vestnik akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = The Herald of the Academy of Economic Security of the Russian Ministry of Internal Affairs*, 2007, no. 1, pp. 20–23. (In Russian).
8. Arutyunov A.A. *Souchastie v prestuplenii po ugovolnomu pravu Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Complicity in crime according to the Criminal Law of the Russian Federation. Doct. Diss. Thesis]. Moscow, 2006. 49 p.
9. Ershov S.A. Abetting — in the Special part of the Criminal Code. *Zakonnost' = Legality*, 2012, no. 11, pp. 52–55. (In Russian).
10. Muradyan S.V. Criminal law and administrative law regulation of fighting the financing of terrorism. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2011, no. 6, pp. 44–51. (In Russian).
11. Serebryakov A.V. *Sodeistvie terroristicheskoi deyatel'nosti: problemy kvalifikatsii i sootnosheniya so smezhnymi sostavami prestuplenii. Avtoref. Kand. Diss.* [Facilitation to terrorist activities: issues of qualification and correlation with similar crimes. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2012. 28 p.
12. Brilliantov A.V. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2015. Vol. 2. 704 p.
13. Chuchayev A.I. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Moscow, Kontrakt Publ., 2013. 672 p.
14. Esakov G.A. (ed.). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 4th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 544 p.
15. D'yakov S.V., Kadnikov N.G. (eds). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 2nd ed. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2013. 912 p.
16. Borzenkov G.N., Brilliantov A.V., Galakhova A.V. et al. (eds). *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. 13th ed. Moscow, Yurait Publ., 2013. 1069 p.
17. Bloom M. Constructing expertise: terrorist recruitment and «Talent Spotting» in the PIRA, Al Qaeda, and ISIS. *Studies in Conflict and Terrorism*, 2016, no. 1, pp. 1–21.
18. Galakhova A.V. (ed.). *Otsenochnye priznaki v Ugolovnom kodekse Rossiiskoi Federatsii: nauchnoe i sudebnoe tolkovanie* [Evaluative Dimensions in the Criminal Code of the Russian Federation: Scientific and Court Interpretation]. Moscow, Norma Publ., 2014. 736 p.
19. Sundurov F.R., Talan M.V. (eds). *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast' [Russian Criminal Law. Special Part]*. Moscow, Statut Publ., 2012. 943 p.
20. Klein G.R. Ideology isn't everything: transnational terrorism, recruitment incentives, and attack casualties. *Terrorism and Political Violence*, 2016, no. 28 (5), pp. 868–887.
21. Scorgie-Porter L. Militant Islamists or borderland dissidents? An exploration into the Allied Democratic Forces' recruitment practices and constitution. *Journal of Modern African Studies*, 2015, no. 53 (1), pp. 1–25.
22. Mashechkin I., Petrovskiy M., Pospelova I., Tsarev D. Automatic summarization and keywords extraction methods for discovering extremist information on the internet. *CEUR Workshop Proceedings*, 2016, no. 1763, pp. 188–198.
23. Kudryavtsev V.N. *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenii* [General Theory of Crime Classification]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 304 p.
24. Kudryavtsev V.L. Inclination, recruitment or other involving of the person as alternative actions of the objective party of assistance of terrorist activity. *Advokat = Lawyer*, 2012, no. 5, pp. 21–25. (In Russian).
25. Malinin V.B. (ed.). *Entsiklopediya ugovalnogo prava* [The Encyclopedian of Criminal Law]. Saint Petersburg, Prof. Malinin Publ., 2005. Vol. 4. 797 p.
26. Kochoi S.M. European legislation on the fight against terrorism and prospects for the reformation of the Criminal Code of the Russian Federation. *Lex Russica*, 2014, no. 9, pp. 1061–1069. (In Russian).

27. Tarbagaev A.N., Moskaliev G.L. Public calls to the performance of terrorist acts (Article 205.2 of the Criminal Code of Russian Federation): problems of criminal law regulation. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 14, Pravo = Saint-Petersburg University Bulletin. Series 14, Law*, 2016, no. 2, pp. 28–39. (In Russian).
28. Arutjunov A.A. *Souchastie v prestuplenii* [Criminal Complicity]. Moscow, 2013, 408 p.
29. Gaukhman L.D. *Kvalifikatsiya prestupleniya: zakon, teoriya, praktika* [Qualification of Crime: Law, Theory, Practice]. Moscow, YurInfoR Publ., 2001. 316 p.
30. Semerneva N.K. *Kvalifikatsiya prestupleniya (chasti Obshchaya i Osobennaya)* [Qualification of Crime (General and Special Parts)]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 296 p.
31. Agapov P.V. Liability for complicity in terror activity: criminal law regulation and judicial interpretation. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2012, no. 4, pp. 41–45. (In Russian).
32. Kachalov V.V., Maslakova E.A. Criminal liability for facilitating terrorist activities in terms of modern criminal policy of the Russian Federation. *Nauka i praktika = Science and Practice*, 2015, no. 1, pp. 38–40. (In Russian).
33. Molchanov D. The contribution of terrorist activity. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2011, no. 4, pp. 35–41. (In Russian).
34. Dokuev A.A. Correlation criminal law on the responsibility for promotion of terrorist activities (Art. 205.1 of the Criminal Code), and rules of complicity in the crimes of a terrorist nature. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Academy of the RF Prosecutor General's Office*, 2015, no. 4, pp. 102–113. (In Russian).
35. Ul'yanova V.V. Issues of implementing criminal liability for facilitation to terrorist activities in the form of financing terrorism. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 3, pp. 442–447. (In Russian).
36. Mitskevich A.F. et al. *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal Law. General Part]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 448 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарбагаев Алексей Николаевич — заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: alex_t@4mail.ru.

Москалев Георгий Леонидович — доцент кафедры уголовного права Юридического института Сибирского федерального университета, кандидат юридических наук, г. Красноярск, Российская Федерация; e-mail: eucaliptus@yandex.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарбагаев А.Н. Проблемы уголовно-правовой регламентации склонения, вербовки или иного вовлечения в осуществление террористической деятельности (часть 1 статьи 205.1 УК РФ) / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 2. — С. 350–360. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).350-360.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tarbagaev, Aleksey N. — Head, Chair of Criminal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Krasnoyarsk, the Russian Federation; e-mail: alex_t@4mail.ru.

Moskalev, Georgii L. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Law Institute, Siberian Federal University, Ph.D. in Law, Krasnoyarsk, the Russian Federation; e-mail: eucaliptus@yandex.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tarbagaev A.N., Moskaliev G.L. Issues of criminal law regulation of inducement, recruitment or other involvement in terrorist activities (Part 1 of Article 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 2, pp. 350–360. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).350-360. (In Russian).